

УДК 159.9

Характеристики образа мира и психологического состояния после просмотра передач с экстремальными сюжетами у молодежи как показатель коллективной травмы

Баранова Виктория Анатольевна

Кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник,
кафедра социальной психологии,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: bva06@mail.ru

Савина Ольга Олеговна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологической помощи и ресоциализации,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: savindm2006@gmail.com

Аннотация

Исследование влияния сюжетов экстремального характера важно для выявления того, насколько обучаются зрители агрессивному поведению при просмотре экранного насилия, насколько связано демонстрируемое в СМИ насилие с эмоциональными показателями, тревожностью, характеристиками образа мира. В исследовании участвовали студенты старших курсов вузов Москвы, использовались интервью, методика доминирующего состояния, шкала тревоги. Результаты показывают, что просмотр экстремальных сюжетов приводит к эмоциональной неустойчивости, к раздражительности и преобладанию негативного эмоционального тона. Выявлены связи между частотой просмотра передач с экстремальными сюжетами, тревожностью и образом окружающего мира как угрожающего и опасного. В исследовании сделан вывод о том, что характеристики образа мира и эмоционального состояния респондентов могут являться показателями коллективной травмы, но в большей степени это верно для респондентов с высокой тревожностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Баранова В.А., Савина О.О. Характеристики образа мира и психологического состояния после просмотра передач с экстремальными сюжетами у молодежи как показатель коллективной травмы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 2А. С. 83-89.

Ключевые слова

Медиапсихология, экстремальные сюжеты, медианасилие, эмоциональные реакции, образ мира, психологическая травма, коллективная травма, культурная травма.

Введение

Проблема СМИ как источника травматизации активно обсуждается в научном сообществе последние десятилетия. В теории культурной травмы [Александр, 2013; Sztompka, 1993] отмечается важная роль травмы в процессе формирования идентичности в современных обществах, в которых акцентируется внимание на негативных аспектах травматического опыта. В этом же контексте исследуются процессы опосредствования травмы массовым информированием. Легитимизация насилия и влияние демонстрируемых сюжетов экстремального характера на людей (на агрессивность, тревожность, переживания, настроение и т.д.) – два фактора, связанных с феноменом культурного насилия. Культурное насилие «позволяет» всем другим проявлениям насилия выглядеть и восприниматься как норма или трактоваться в терминах справедливости. Культура (в том числе транслируемая СМИ) определяет как нормальный подобный ракурс отношения к агрессии и насилию, формируя установку к этим событиям как к естественным явлениям, насилие становится частью жизни и культуры [Ениколопов, 2001]. В рамках культурно-исторического и деятельностного подходов разрабатывается идея культурно-обусловленного формирования у человека особых психических организаций личности, в том числе конструирования психической травмы [Магомед-Эминова, 2008], наследования травматического опыта [Бурлакова, 2016]. В современной психологии экстремальные кризисные ситуации, как индивидуальные, так и общественные, рассматриваются негативно, с точки зрения деструкции, вреда, вызванного неблагоприятными условиями, однако отмечается, что психическая травма, экстремальный стресс может не только вредить, разрушать, но и быть источником роста и развития субъекта (индивидуального и общественного) [Магомед-Эминов, 2014].

Исследование влияния демонстрируемых сюжетов экстремального характера представлено многочисленными исследованиями того, насколько обучаются зрители новым формам агрессивного поведения при просмотре экранного насилия; влияет ли насилие в СМИ снижению эмоциональной чувствительности к насилию в реальности, пытаются ли совершить некоторые преступления, которые видели на экране телевизора [Майерс, 2000]. В результате корреляционных и экспериментальных исследований были сделаны выводы о том, что насилие, транслируемое по телевидению, создает основу для умеренного усиления агрессивного поведения и снижает чувствительность зрителей к агрессии, искажая их представления о реальности. Лонгитюдные исследования показали, что увлечение боевиками у детей в 8 лет в умеренной степени предопределяет их агрессивность в 19 лет, но агрессивность в 8 лет не предопределяет увлечение боевиками в 19 лет. Эти данные демонстрируют, что «не агрессивные наклонности делают людей любителями «крутых» фильмов, а, напротив, «крутые» фильмы способны спровоцировать человека на совершение насилия» [Майерс, 2000, 520]. Кроме того, статистические данные показывают, что количество убийств везде и всегда возрастало с появлением и распространением телевидения. Классические эксперименты А. Бандуры продемонстрировали, что наблюдение насилия усиливает агрессию, более того, когда дети смотрели сюжет с действиями взрослого и надувной куклой, то это давало такой же эффект, как и в случае реального наблюдения [Bandura, 1994]. Ребенок, регулярно наблюдающий по телевидению людей, совершающих агрессивные действия, может сохранить агрессивный сценарий как подходящий для взаимодействий в социуме и применять алгоритмы агрессивного поведения в дальнейшей жизни определенных ситуациях [Ениколопов, www].

Поднимая проблему травматизации в связи с экстремальным медиаконтентом, отметим, что под психической травмой понимается переживание, выходящее за рамки нормального, привычного опыта, обусловленное событием, которое у большинства людей вызвало бы страх, ужас, беспомощность. Для возникновения травматических симптомов должны иметь место не только экстраординарное событие, выходящее за рамки привычного, но и смысловая работа личности, приводящая к соответствующим переживаниям, образам, действиям, отношениям. Безусловно, в экстремальности у человека раскрываются стремления к совладанию, росту и развитию, мужеству, человечности, эмпатии [Магомед-Эминов, 2008], но в случае телепросмотра их сложно реализовать. Важной характеристикой психологической травмы является искажение образа социального мира, в частности, доминирование настороженности, враждебности [Андреева, 2004, 2011]. К сожалению, сегодня аварии, стихийные бедствия, катастрофы, войны, чрезвычайные и экстремальные ситуации стали частью повседневной жизни и, даже если человек не сталкивается с ними непосредственно, то они входят в его жизнь с помощью СМИ. Вследствие этого психическая травма возникает не только у участников экстремального события, но и у свидетелей-зрителей. Существует не только индивидуальное измерение травмы, можно говорить и о травмировании социальных групп, в том числе и нации, и человечества [Семилет, 2014]. В современной психологии появился термин «коллективная виктимизация», под которым понимается переживаемое личностью состояние жертвы под воздействием как прошлых социальных катастроф, так и тех, которые происходят в настоящем [Vollhard, 2012].

Методика и организация исследования

В данном исследовании мы употребляем понятие коллективная травма, определяя ее как определенную совокупность специфических психологических реакций и переживаний, свойственной определенной социальной группе, и специфический конструируемый группой образ мира. Исследование было направлено на рассмотрение связей между эмоциональными состояниями и образами мира у молодых людей после просмотра передач с экстремальными сюжетами. В качестве основных гипотез были выдвинуты положения: 1) о существовании взаимосвязи между частотой просмотра передач с экстремальными сюжетами с тревожностью и показателями эмоционального состояния; 2) о существовании связей между выраженностью личностной тревоги и образом окружающего мира как угрожающего и опасного.

В исследовании использовались методы интервью, методика доминирующего состояния Л.В. Куликовой, шкала тревоги Тейлора. Обработка данных производилась с помощью количественно-качественного метода контент-анализа, для проверки статистической значимости гипотез использовался метод ранговой корреляции Спирмена. Исследование включало два этапа: пилотажный и основной. На этапе пилотажного исследования с испытуемыми (20 молодых людей, из них 12 девушек и 8 юношей) проводились глубинные интервью, фокус-группы и диагностика эмоциональных состояний с целью разработки стандартизованного интервью. В основном исследовании принял участие 51 учащийся разных специальностей московских вузов (18 юношей, 33 девушки).

В исследовании выявлено, что после просмотра передач с экстремальными сюжетами (среди которых были новостные сюжеты, документальные и художественные фильмы соответствующей тематики и т.д.) фиксируется специфика психологических состояний и переживаний респондентов. В частности, интервью показали, что ведущими мотивами

просмотра экстремальных сюжетов являются: мотив получения информации (респонденты больше обращают внимание на содержание сюжетов и поэтому более эмоционально включены в ситуацию) и возможность испытать эмоции, не участвуя в самих событиях и не подвергаясь реальной опасности.

В исследовании выявлена положительная корреляция между показателями эмоционального состояния и частотой просмотра сюжетов экстремального содержания ($0,305$ ($p < 0,030$)), а также частотой просмотра сюжетов экстремального содержания и удовлетворенностью жизнью ($0,303$ ($p < 0,031$)). Для большинства испытуемых можно констатировать, что просмотр экстремальных сюжетов приводит к снижению эмоциональной устойчивости, повышенной раздражительности и преобладанию негативного эмоционального тона. В исследовании респонденты показали различный уровень чувствительности к ситуациям тревоги и были разделены на две группы по этому показателю (51% - высоким уровнем, 49% - с низким показателем). Тревожность в данном контексте связана с наиболее часто используемыми источниками информации: большая часть испытуемых (87%) с низкими показателями по шкале личной тревоги используют в качестве основного источника информации Интернет ($0,425$ ($p < 0,015$)), респонденты высокими показателями по шкале личной тревоги чаще обращаются к телевидению ($0,411$ ($p < 0,037$)). Анализ выборки респондентов, которым свойственна высокая личная тревога, показал, что для них характерны беспокойство в различных жизненных ситуациях, ожидание неблагоприятного исхода событий. Почти половина респондентов этой выборки имеют неустойчивый и негативный эмоциональный фон, повышенную раздражительность. Они в большей степени не удовлетворены собственной жизнью по сравнению с респондентами из выборки с низкой личной тревогой, для которых характерно более активное отношение к жизни, оптимистическое настроение и субъективная удовлетворенность жизнью.

Для группы респондентов с низкой тревогой были получены данные, свидетельствующие о зависимости между частотой просмотра ТВ и частотой просмотра экстремальных сюжетов ($0,512$, ($p < 0,001$)): чем меньше человек смотрит телевидение, тем меньше у него просмотр экстремальных телепередач.

Респонденты с высоким уровнем тревоги имеют отрицательный эмоциональный фон и чаще смотрят передачи с экстремальными сюжетами, причем это как правило документальные фильмы и новости, что негативно влияет на показатель активности (связь показателя активности с предпочтением экстремального контента значима ($p < 0,050$)).

Анализ образа мира, сконструированного у молодежи под воздействием экстремальных сюжетов, показал, что страх, тревога, беспокойство, сострадание, жалость, сочувствие и грусть, разочарование, печаль являются наиболее частыми чувствами после просмотра экстремальных сюжетов. Образ мира после просмотра сюжетов представлен характеристиками опасности, уязвимости, жестокости, нестабильности, страха, недоверия к людям, повышенной осторожностью, что соответствует состоянию психологической травмы, описываемой в терминах эмоционального напряжения, тревоги, катастрофы, угрозы жизни, здоровью, дисгармонии и неуравновешенности, *состояний и переживаний широкого спектра от сниженного фона настроения и поведенческой активности до тревожно-депрессивные состояния, фобий, психосоматических нарушений и т.д.* [Анцыферова, 1994; Тарабрина, 2001; Трубицына, 2005]. В данном исследовании респонденты с высоким уровнем тревожности имеют сниженный эмоциональный фон, пассивное отношение к жизни, повышенную раздражительность, при этом они чаще, чем респонденты с низкой тревожностью смотрят передачи с экстремальными сюжетами. Образ мира представлен редукцией базовой

потребности в безопасности: мир выступает в большой степени как опасный, жестокий, нестабильный, неконтролируемый, эмоционально окрашенный чувством страха и недоверия к людям.

Заключение

В результате исследования гипотеза о существовании связи между частотой просмотра передач с экстремальными сюжетами с тревожностью и показателями эмоционального состояния подтвердилась. Можно сделать вывод о том, что просмотр телепродукции с экстремальными сюжетами повышает уровень тревожности и ухудшает общее эмоциональное состояние человека. Вторая гипотеза о существовании связей между выраженностью тревоги и образом окружающего мира как угрожающего и опасного также подтвердилась. С одной стороны, у более чем половины испытуемых отмечалось негативное влияние криминальных и экстремальных сюжетов при их частом просмотре на восприятие мира. С другой, при сравнении выборок респондентов с разным уровнем тревожности выявлено, что респонденты с высоким уровнем чаще смотрят передачи с экстремальными сюжетами, имеют более сниженный эмоциональный фон, более пассивное отношение к жизни, повышенную раздражительность. В целом, результаты исследования позволяют сделать вывод: характеристики образа мира и эмоционального состояния респондентов после просмотра экстремальных сюжетов свидетельствуют о том, что они являются показателями коллективной травмы, однако это утверждение справедливо для группы респондентов с высоким уровнем тревожности.

Библиография

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011, №6 (20). С. 1.
3. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2004. 288 с.
4. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3-16.
5. Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии // Психологические исследования. 2016. 9(45). С. 11.
6. Ениколопов С.Н. Массовая коммуникация и проблема насилия. URL: <http://zmmu.msu.ru/files/seminary/Enikolopov.pdf>
7. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001, № 1, С. 60-72.
8. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 2008. 218 с.
9. Магомед-Эминов М.Ш. Анализ современных моделей психологической травмы с точки зрения культурно-деятельностной парадигмы // Теория и практика общественного развития. Электронный журнал. 2014. №17. С. 202-207.
10. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2000. 688 с.
11. Семилет Н.В. Концепция трансгенерации коллективной травмы: способы исцеления // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. №2. С. 37-50.
12. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
13. Трубицына Л.В. Процесс травмы. М.: Смысл, ЧеРо, 2005. 218 с.
14. Bandura A. Social cognitive theory of mass communication // Bryant S. & Zilmann D. (eds). Mass effects: Advances in theory and research. Hillsdale, 1994. P. 61-90.
15. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Oxford: Blackwell, 1993. 368 p.
16. Vollhardt J. Collective Victimization // The Oxford Handbook of Intergroup Conflict. Oxford University Press, 2012. P. 136-157.

**Characteristics of psychological reactions and the image
of the world after watching the broadcasts with extreme stories
from young people as an indicator of the collective trauma**

Viktoriya A. Baranova

PhD in Psychology, Senior Researcher,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: bva06@mail.ru

Ol'ga O. Savina

PhD in Psychology, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: savindm2006@gmail.com

Abstract

Objective. Investigation of the influence of extreme stories is important for revealing how much spectators are trained in aggressive behavior when viewing screen violence, how much violence is associated with emotional indicators, anxiety, characteristics of the image of the world. *Research methods.* The study involved students of senior courses of Moscow universities, and used interviews, the technique of the dominant state, anxiety scale. *Results.* The results show that viewing extreme subjects leads to emotional instability, irritability and predominance of negative emotional tone. The relationship between the frequency of viewing the programs with extreme plots, anxiety and the image of the surrounding world as threatening and dangerous has been revealed. *Conclusion.* The study concluded that the characteristics of the image of the world and the emotional state of the respondents may be indicators of collective trauma, but to a greater extent this is true for respondents with high anxiety. As a result of the research, the hypothesis about the existence of a connection between the frequency of viewing the programs with extreme subjects with anxiety and the indicators of the emotional state was confirmed. It can be concluded that watching television with extreme stories raises anxiety and worsens the overall emotional state of a person. The second hypothesis about the existence of links between the severity of anxiety and the image of the surrounding world as threatening and dangerous was also confirmed.

For citation

Baranova V.A., Savina O.O. (2018) Kharakteristiki obraza mira i psikhologicheskogo sostoyaniya posle prosmotra peredach s ekstremal'nymi syuzhetami u molodezhi kak pokazatel' kollektivnoi travmy [Characteristics of psychological reactions and the image of the world after watching the broadcasts with extreme stories from young people as an indicator of the collective trauma]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (2A), pp. 83-89.

Keywords

Mediapsychology, extreme plots, medianalysis, emotional reactions, image of the world, psychological trauma, collective trauma, cultural trauma

References

1. Alexander J. (2013) *Smysly sotsialnoi zhizni: Kultursotsiologiya* [Meanings of cultural life. Cultural sociology]. Moscow: Praxis Publ.
2. Andreeva G.M. (2004) *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of Social Cognition]. Moscow: Aspect Press Publ.
3. Andreeva G.M. (2011) K voprosu o krisise identitschnosti v usloviyakh sotsialnykh transformatsii [Towards the problem of identity crisis amid the social transformations]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research]. 6 (20), p. 1.
4. Antsyferova L.I. (1994) Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaya zashchita [Personality in difficult living conditions: re-thinking, transformation of situations and psychological protection]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 15, 1, pp. 3-16.
5. Bandura A. (1994) Social cognitive theory of mass communication. In: Bryant S. & Zilmann D. (eds). *Mass effects: Advances in theory and research*. Hillsdale, NS: Erlbaum.
6. Burlakova N.S. (2016) Psykhodynamika peredatschi travmatitscheskogo opyta ot pokoleniya k pokoleniyu v kontekste kulturno-istoritscheskoi klinitscheskoi psikhologii [Psychodynamics of intergenerational trauma experience transmission in the context of cultural-historical clinical psychology] *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 9(45), p. 11.
7. Enikolopov S.N. (2001) Ponyatie agressii v sovremennoi psikhologii [The concept of aggression in modern psychology]. *Prikladnaya psikhologiya* [Practical psychology], 1, pp. 60-72.
8. Enikolopov S.N. *Massovaya kommunikatsiya i problema nasiliya* [Mass communication and the problem of violence] Available at: <http://zmmu.msu.ru/files/seminary/Enikolopov.pdf> [Accessed 05.04.18]
9. Magomed-Eminov M.Sh. (2008) *Fenomen ekstremal'nosti* [Phenomenon of Extremality]. Moscow: Psikhoanaliticheskaya Assotsiatsiya Publ.
10. Magomed-Eminov M.Sh. (2014) Analiz sovremennykh modelei psikhologicheskoi travmy s tochki zreniya kulturno-deyatel'nostnoi paradigmy [Analysis of modern models of psychological trauma in the context of cultural activity paradigm]. *Teoriya and Praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social deveopment], 17, pp. 202-207.
11. Myers D. (2000) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
12. Semilet N.V. (2014) Kontseptsiya transgeneratsii kollektivnoi travmy: sposoby itseleniya [The concept of the transgeneration of collective trauma: ways of healing]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri* [Southern Siberia Herald in Psychology and Pedagogy], 2, pp.37-50.
13. Sztompka P. (1993) *The Sociology of Social Change*. Oxford: Blackwell.
14. Tarabrina N.V. (2001) *Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa* [Workshop on the psychology of post-traumatic stress]. St. Petersburg: Piter Publ.
15. Trubitsyna L.V. (2005) *Protsess travmy* [The process of injury] Moscow: Smysl, CHeRo Publ.
16. Vollhardt J. (2012) Collective Victimization. In: *The Oxford Handbook of Intergroup Conflict*. Oxford University Press.